

Экономический выбор и политические концепты

**РЕГЕНЕРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ:
СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ**

О.Ю. Мамедов

Южный федеральный университет

Всех экономистов объединяет общий объект анализа – "экономика". Однако – и в этом весь парадокс! – тот же объект в такой же степени их и разъединяет, точнее, – разъединяют бесконечные трактовки этого, поистине неисчерпаемого, фундаментального понятия.

Тем не менее, можно полагать, что при множестве подходов экономика остаётся системой объективных общественно-производственных отношений, закономерно-вырастающих в координатах трёхмерного пространства – общественного разделения труда, собственности и стоимости. Бесконечные комбинации разномерного сочетания специализации, собственности и стоимости и порождают все те экономические формы, которые образуют основной объект экономико-теоретического анализа.

Такая трактовка общественной экономики позволяет привлечь внимание к проблеме, ставшей сегодня, на мой взгляд, самой актуальной, – к проблеме, парадоксально и незаслуженно оказавшейся на периферии внимания экономистов. Эта проблема отражает особое явление, которое я бы обозначил как «*консервативная регенерация российской экономической системы*». Именно названная консервативная регенерация и превратилась сегодня, по нашему мнению, в главное препятствие на пути ускоренного, устойчивого, долгосрочного, эффективного и оптимального развития российской экономики.

* * *

Удивительно, но в реальных условиях переходной экономики (хотя некоторые горячие экономисты уже и объявили об окончании переходного к рынку периода) эта главная проблема всё ещё слабо осознаётся средой профессиональных российских экономистов. Я назвал ситуацию "удивительной" только потому, что для отечественных экономистов осознание и исследование данной проблемы образует условие разработки *российского варианта теории переходного периода*.

Однако проблема экономической регенерации до сих пор бродит незамечаемой (и потому – неприкаянной), хотя именно её теоретический анализ должен был бы образовать *исходную и конечную стадии* каждого прикладного экономического исследования. Это важное в методическом отношении положение следует сформулировать точнее – *речь идёт о проблеме, анализ территориально-отраслевой специфики которой должен присутствовать в любом конкретно-экономическом исследовании*. Образно говоря, каждое прикладное экономическое исследование должно начинаться с приветствия с данной проблемой, а завершаться – с прощания с ней. Если же прибегнуть к гносеологическому категориальному аппарату, то можно сказать, что данная проблема образует теоретико-методологические координаты практических всех, так сказать, "не-первых" экономических исследований, то есть тех экономических исследований, тематика которых, согласно классификации ВАК, относится к "ноль-пятой", "ноль-десятой" и т.д.

Кроме того, рекомендации по решению данной проблемы в границах анализируемого фрагмента экономики должны составлять основную часть практических предложений проведённого конкретно-экономического исследования.

* * *

Экономическая регенерация есть функциональная производная от такого фундаментального свойства *экономической системы*, как **"органическая целостность"**.

Смысл этого полузабытого марксова сущностного определения экономики состоит в указании на удивительное свойство экономического базиса – на способность его *«досаморазвития»* до **системного состояния**. Экономика способна генерировать недостающие для своего системного состояния (и функционирования) отношения, формы, фазы и сферы. Только благодаря реализации принципа органической целостности все существующие в обществе разнородные экономические отношения преобразуются в *качественно-однородные*.

Те, кто изучал основную школу экономической аналитики – *политическую экономию капитализма*, – знают, что капитализм победил феодализм тем, что сумел превратить совокупность разнородных экономических отношений в систему однородных экономически-*эффективных* отношений.

Те, кто изучал драматическую школу экономической аналитики – *политическую экономию социализма*, – знают, что социализм погиб именно потому, что повторил «органический подвиг» капитализма – он также превратил совокупность разнородных экономических отношений в систему однородных (но на этот раз, увы, – экономически-*неэффективных*) отношений.

Уже этих двух великих уроков экономической истории было бы вполне достаточно, чтобы осознать: *успех возведения в нашей стране современной ры-*

ночной системы зависит только от одного – насколько быстро нам удастся выстроить **рыночно-однородное экономическое пространство**.

Но что же препятствует этому? Где скрывается главный враг юного российского рыночного пространства?

Профессиональные экономисты знают ответ на этот вопрос – дело не в технологии или инвестициях, не в реновации или модернизации производства, а в *тех экономических отношениях, которые сложились в стране в течение продолжительного (трёхвекового!) исторического периода* и которые подлежат рыночной трансформации. Именно эти отношения оформились сегодня, в своего рода, «железобетонную систему», и теперь эта экономическая система воспроизводится по всем законам социальной регенерации.

В чем это выражается?

С одной стороны, российская экономическая система упорно отвергает вторгающиеся новые, несистемные для неё, экономические отношения, а с другой, – упорно воссоздаёт те свои элементы, которые общество пытается уничтожить во имя спасения самой национальной экономики (а спасение экономики, как знают экономисты, – это рост её экономической эффективности), – *этицизацию, монополизацию, бюрократизацию*.

Поистине, можно впасть в материалистическое отчаяние и мистическое объяснение, видя, как на протяжении трёх последних веков никакие происки «либерал-реформаторов» (как именуют сторонников рыночных преобразований их именитые оппоненты) *не дают никаких результатов*.

Кто только ни штурмовал российскую экономическую систему: Пётр Первый – с его до сих пор вызывающим ошеломление «преклонением перед Западом», Екатерина Великая – с её знаменитой Комиссией об Уложении, провал которой уже тогда обнаружил практическую неререформируемость экономического базиса российского общества тех лет (но, одновременно, – поставил все те экономические проблемы последующих двух веков, которыми, в частности, занимаются и современные российские экономисты¹), Михаил Михайлович

¹ Не верите? Тогда сначала вспомним – попытка сформировать новый государственный и правовой облик страны завершилась тогда одним – созданием в России просвещенного абсолютизма. Не стало ли это закономерностью? А то, что мы и сегодня решаем задачи трёхсотлетней давности, видно из задач «просвещенного монарха», начертанных рукой самой Екатерины – «Нужно просвещать нацию, которой должен управлять» (и ведь до сих пор просвещают, чтобы, просветив, уж тогда дать свободу, – но никак не ранее, – О.М.), нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы (пусть в меня бросит камень тот, кто не считает, что заставить соблюдать законы превратилось сегодня в главную заботу государства, – О.М.), нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию (ультраактуальная задача и нашей современности, – О.М.), нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным (пусть в меня бросит камень и т.д., – О.М.), нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям» (уж что-что, а эта задача выполняется неукоснительно, – О.М.).

Вот что значит быть великим человеком – прошли века, а задачи – как будто только поставлены!

А желание Екатерины II предоставить дворянству и городскому сословию самоуправление? А создание Комиссии по Соборному Уложению как предтеча современной Думы (кстати, в её составе были представители и от инородцев, – может, стоит перенять?)?

А помнят ли отечественные экономисты о том, что они являются интеллектуальными потомками учрежденного Екатериной одного из старейших в мире и первого в России «Вольного экономического общества» (вольное тогда означало – независимого от правительственных ведомств, что тоже весьма актуально на фоне госу-

Сперанский – с его реформами чиновничества и ориентацией в социально-политических преобразованиях на идеи европейского Просвещения, Александр Второй – с его серией земских и судебных реформ, Пётр Аркадьевич Столыпин – с его аграрными реформами, ленинский нэп – с его поворотом к частнику, Хрущев – с его поворотом к реальным проблемам российской экономики, Косыгин – с его «щёкинской реформой», Гайдар – с его спасшими российскую экономику реформами.

Но всё было тщетно. И сегодня, вопреки мировому опыту, при внешнем расшаркивании перед западной экономической мыслью, у нас в активе всего две (зато какие!) отвергаемые идеологические ценности. Я имею в виду – либерализм в экономике и демократию в политике. Неприятие этих фундаментальных ценностей неизбежно оборачивается фактической реставрацией трёх мало-приятных реальностей – этатизации, монополизации и бюрократизации экономики².

Вот этот процесс постоянного воспроизводства неэффективных экономических отношений, форм и связей я и называю **«консервативная регенерация экономической системы»**.

И пока мы не разорвём этот исторически-порочный круг, нам суждено будет вновь и вновь собираться на конференции, посвященные одним и тем же полуэкономическим проблемам. Я сказал «полуэкономическим» потому, что *переход от консервативной регенерации к прогрессивной осуществляется только экономическими средствами*.

Таким образом, главной экономической проблемой – и теоретической, и практической, – на мой взгляд, является изучение механизма консервативной регенерации российской экономической системы и обеспечение перехода к прогрессивной регенерации.

Отсюда вытекают две главные задачи российской экономической науки.

дарственно-бюрократического статуса нынешнего ВАКа)? Между прочим, – Вольное экономическое общество занималось тем, что на современном языке получило название «научные гранты»: объявляло конкурсные задачи и издавало ``Труды Вольного экономического общества (за 1766-1915 годы было опубликовано более 280 томов и приложений к ним!). До 1861 года было объявлено 243 (!) конкурсные задачи. Кстати, первый конкурс был объявлен по инициативе самой императрицы в 1766 году со следующей формулировкой проблемы – «В чем состоит собственность земледельца (крестьянина) в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости и какое он право на то и другое для пользы общенародной иметь должен?»

Ей-богу, эту задачу впору вновь повторить!

А знаменитый указ 1767 года (подкреплённый манифестом 1775 года), в котором Екатерина II провозгласила принцип свободы предпринимательской деятельности? И то сказать, ситуация сегодня с отечественным бизнесом такая, что хоть заново принимай и издавай этот указ!

² Я не думаю, чтобы были возражения против использования этого термина в экономическом анализе. В биологии позднелатинское «regeneratio» означает возрождение, возобновление, восстановление организмом утраченных или поврежденных органов и тканей. Это значит, что, например, Змей-Горыныч в бою с богатырём спасался методом регенерации. Иногда кажется, что подобный бой ведёт и общество с застойным экономическим организмом. Что мы ни делаем, но «три головы» всё равно живёхоньки – экономика по-прежнему остаётся в значительной мере *огосударственной, монополизм* только усиливается, а *бюрократизм* процветает как никогда.

Первая – *теоретическая*: выявить реальный механизм консервативной регенерации российской экономической системы и механизм его замены на мультирегенеративный механизм прогрессивной регенерации.

Вторая задача носит *практический* характер: выявить реальный механизм консервативной регенерации в данной отрасли (в данной сфере, в данном регионе, в данном сегменте, на данном предприятии, короче – в данном локальном фрагменте российской экономики) и предложить механизм его замены на механизм прогрессивной регенерации.

Эти три механизма превратились в своего рода три роковые для судеб России «экономические карты»: сумеем превратить их в козырные – выиграем в борьбе с так называемыми «историческими вызовами», не сумеем – проиграем.

* * *

Концепция альтернативной (консервативной или прогрессивной) регенерации экономической системы имеет определенную практическую значимость, так как она содержит объективный критерий оценки выдвигаемых экономических решений. Это можно проиллюстрировать на примере известной экономической программы (которую я бы обозначил как – «программа академического ренессанса»). Сегодня эта программа, которая, по моему мнению, полностью соответствует идеологии «консервативной регенерации», предлагается в качестве системного решения буквально всех актуальных экономических проблем страны. Давайте же попробуем оценить её в аспекте механизма экономической регенерации.

Названная программа включает три странных, но очень родственных пункта:

1) первый пункт можно обозначить с помощью древнеславянского слова «**державность**», смысл которого – *максимальное усиление роли государства в экономике*, что практически означает не просто свёртывание приватизации хозяйственного механизма России, но и возвращение на исходные дореформенные позиции, а то и просто в первую половину прошлого столетия,

2) второй пункт правомерно обозначить старинной категорией «**меркантилизм**», поскольку его смысл – жить припеваючи за счёт грубоуровнительного распределения природной ренты (под рентой имеют в виду «разницу между рыночной стоимостью природных ресурсов и затратами на их добычу»; однако всякий, кто имеет представление о чудовищной неэффективности добычи природных ресурсов и отсутствии производственных мощностей для их глубокой переработке, только плечами пожмёт, – эта разница имеет тенденцию к превращению в отрицательную величину),

3) завершает славную триаду самый любимый широкими массами пункт, известный как «**конфискационный**», суть которого представлена названием

недавней публикации – «Справиться с бедностью можно за год, если взять налоги с Рублёвки»³.

* * *

Надо признать, что перечисленные **три пункта действительно отражают три главные экономические проблемы современной России и предлагают три конкретных экономических алгоритма их решения.**

Проблема первая, – как же обеспечить не статистический, а реальный долгосрочный неконъюнктурный экономический рост? Главный рецепт – помощь государства.

Проблема вторая, – какая отрасль должна стать доминантной? Главное предложение – природно-ресурсная (а инструмент – её переход в исключительный объект государственной собственности).

Проблема третья, – как преодолеть взрывоопасный уровень имущественного расслоения общества? Главное предложение – «справедливое» перераспределение доходов (от тех, у кого они имеются, к тем, у кого их нет). Надо ли говорить, что и здесь единственным исполнителем этого предложения планируется только государство?

Вот почему экономические исследования внесли бы существенный вклад, если бы сумели избежать «мельчения» по бесконечным проблемам каждой отрасли и каждого региона, а изучали бы эти широко рекламируемые программные решения действительно актуальных экономических проблем.

* * *

1. В последнее время практически все диссертационные работы полны одним практическим призывом – «усилить роль государства в экономике!». Далее только уточняется, как это сделать в конкретном секторе, отрасли и регионе. Создаётся впечатление, что всё, на что способны сегодня экономисты. – это взывать к государству, к бюджету, к приоритетным программам.

Главная трагедия рыночных реформ, по мнению многих экономистов, формулируется в следующем тезисе – «государство, как выразитель общества, ушло из экономики»⁴. Но уже только в одном этом лаконичном постулате – три неправды: никуда государство не ушло – раз; с каких это пор наше государство стало выразителем общества, а не самого себя, класс коррумпированных чиновников – это еще не государство, – три.

Установление контроля государства над нефтяной промышленностью оказалось только первым пробным шагом. Один за другим возникают концерны, контролируемые государством (главный из них – газовый монополист по имени

³ Подробнее экономическую программу российского антилиберализма см.: Д.Львов. Справиться с бедностью можно за год, если взять налоги с Рублёвки. // «Комсомольская правда», 2007, № 6 от 17 января 2007 года.

⁴ Выступление академика Львова. // http://www.larouchepub.com/russian/news/010629_duma/010629_lvov.

"Газпром"). Реальностью становится курс на ренационализацию. В нефтяной промышленности в течение года доля государства за год увеличилась с 6% до 30%. Теперь государство выходит на авиа-, машино- и автомобилестроение, горнодобывающую и металлургическую промышленность, атомную энергетику. Экономический инструмент деприватизации – отраслевой холдинг, в котором государство имеет контрольный пакет.

Да неужели не ясно, что государство должно не в экономику влезать, вытесняя частный бизнес, а создавать условия для упрочения этого частного бизнеса? Все национальные, приоритетные и прочие проекты вызывают большие сомнения – государство подменяет активность гражданского общества, вместо того, чтобы его инициировать.

Недавно уважаемый коллега профессор А.Аузан удачно определил: «государство – это машина по производству и поддержанию определенных правил». И печально констатировал – «эта машина у нас находится в очень плачевном состоянии»⁵.

А вот здесь именитый коллега как раз и не прав: государство у нас – эффективная машина по производству хороших правил для себя, и плохих – для общества. Вот почему государству должен быть закрыт путь в экономику – судья не может играть в одной из команд.

Какого же результата ожидают исполнители этого бесконечного гимна экономической роли государства? Уже не только западные, но и наши экономисты пришли к программным выводам, которые лаконично изложены, например, Вадимом Валерьевичем Радаевым и Овсеем Ирмовичем Шкаратаном (я цитирую ключевой фрагмент из их статьи «Власть и собственность»):

«Этакратизм (власть государства) – это *не цепь деформаций* и отклонений, а *самостоятельная ступень* и, в то же время, *параллельная ветвь* исторического развития современного общества, которая имеет свои *собственные законы*. В этакратических обществах отмечают одно и то же болезненное явление — *бюрократизацию*, чрезмерную власть аппарата управления, *усиление государственности* при практически *полном отсутствии гражданского общества*. Речь идет о бюрократии особого типа, не имеющей сходных форм в буржуазных странах и сосредоточившей в своих руках как *политическую, так и экономическую власть*»⁶.

Вы действительно хотите иметь *такую* экономику и *такое* общество?

Тогда оно идёт к вам!

И еще, – экономика начинается затратами и завершается результатами. При этом *рыночная* экономика превращает *частные расходы в общественные доходы*, тогда как *государственная* экономика устроена противоположным образом, превращая *частные доходы в общественные расходы* (и она не успокоится, пока не превратит все доходы – в расходы, ведь в этом её работа).

⁵ А.Аузан. Договор-2008: повестка дня. – Новая газета», 2007, №04 (22.-24.01.2007).

⁶ XII Всемирный социологический конгресс. В.В.Радаев, О.И.Шкаратан. Власть и собственность. М., 1991, с.50-51.

Почувствуйте, как говорят, разницу⁷.

* * *

2. Что касается второго пункта – природной ренты, то на этом моменте следует остановиться подробнее, поскольку реальная возможность соблазнительно-беззаботной жизни нашей страны за счет построения «рентной экономики» крайне сомнительна, хотя и ужасно импонирует широким народным массам.

Увы, реальность гораздо неприятнее – оказывается, в рыночно развитых странах происходит постоянное снижение стоимости энергоресурсов, потребляемых национальными экономиками: на протяжении последних тридцати лет произошло двукратное снижение энергоёмкости американского ВВП и трехкратное – европейского ВВП! Это ставит под сильное сомнение академическую стратегию получения долгосрочной радости за счет дарованной нам природной ренты.

Уже сейчас в России на нефть и газ приходится около двух третей всего российского экспорта, а доходы, прямо связанные с производством и экспортом энергоносителей, обеспечивают более поступлений в российский бюджет. Уже захлебываемся в избыточном притоке валюты, который не можем освоить и отправляем в стабилизационный фонд. Вот она, рента, а экономического счастья всё нет. Вот уж поистине счастье не в деньгах, а в их распределении.

Более того, Владислав Иноземцев отмечает, что Россия превратилась в *региональную* энергетическую державу, поскольку основная часть ее энергетических поставок технологически (трубопроводами!) привязана к Европе, тогда как большая часть нефтяной торговли в мире осуществляется с использованием морского транспорта (так, сегодня Россия экспортирует по своей трубопроводной системе около 3-х млн. баррелей нефти в сутки, а США импортируют ежедневно не менее 6-ти млн. баррелей нефти морским путем). Мы же продолжаем строить трубопроводы! То же – с поставками сжиженного природного газа, основными покупателями которого являются Япония (48% общемирового импорта и 100% потребности) и Южная Корея (21%).

Морская транспортировка, конечно, предпочтительней, так как можно везти куда хочешь, тогда как построенные трубопроводы ставят нас в жесткую зависимость от европейских покупателей, которые могут нашу нефть сами от-

⁷ Впрочем, в последнее время появились определенные надежды. В Давосе Дм. Медведев заявил – "Сегодня мы строим новые институты, основанные на базовых принципах полноценной демократии, демократии эффективной – опирающейся на принципы рыночной экономики, верховенство закона и подотчетности власти остальному обществу». И добавил – ни одно недемократическое государство не стало по-настоящему процветающим. По одной простой причине: свобода – лучше несвободы". Судя по словам Медведева, власть хорошо осознает экономические реалии – «чрезмерную зависимость от рынков минерального сырья, коррупцию и по-прежнему высокий уровень дифференциации доходов населения». И еще – "Роль государства в текущей жизни российской должна быть основана на сугубо утилитарных, прагматических соображениях – не больше и не меньше... Если же участие государства не является необходимым, государство в таких процессах участвовать не должно".

правлять морским путем куда захотят и, таким образом, сами стричь обещанную нам ренту, которую мы будем сами им преподносить. Мы же продолжаем строить трубопроводы!

Да нам не хвастаться величиной нефтегазовых ресурсов надо, а выскакивать из ловушки развращающего нас природного богатства. Тот же автор приводит ошеломляющие данные: весь гигантский газовый экспорт, идущий из России, не превышает 32% общего его производства в стране; следовательно, 68% остаётся внутри страны (при этом газ невозможно, так сказать, «складировать»). Получается, что на в семь раз меньший объём российского ВВП (по сравнению с ВВП Германии, Франции и Италии) приходится двойная «газоёмкость»? Следовательно, по «газозатратам» на единицу российского ВВП мы в 14 (!) раз превышаем соответствующие показатель развитых стран?⁸

Ищете источники экономического роста? Да всё здесь, под рукой, внутри страны.

Странно, но ратующие за преодоление положения нашей экономики как сырьевого придатка Запада фактически предлагают окончательно увязнуть в сырьевой специализации. Другими словами, в то время, как развитые страны стараются от абсолютных конкурентных преимуществ перейти к относительным, нам предлагается закрепиться на абсолютном нефтегазовом конкурентном преимуществе⁹.

«Рентная экономика» препятствует отраслевой и продуктовой диверсификации национального производства. А что мы будем делать, если всё-таки найдут альтернативу нефти и газу? Что тогда, конец стране? Может, всё-таки посмотреть на страны, в которых нет никаких ресурсов (например, Японию) и которые, однако, не впадают в «рентное» отчаяние?

Строительство природно-рентной экономики для нашей страны может обернуться для нашей экономики только позорным суицидом.

Когда мы говорим о природной ренте в России, то на одну чашу весов надо положить ее привлекательность по природным запасам, сравнительно дешевой рабочей силе и растущей емкости внутреннего рынка. Однако на другой чаше – институциональная неустойчивость, непрозрачность бизнес-структур, коррупция чиновников, слабость законодательной базы, высокая зарегулированность

⁸ См. подр.: Тезисы выступления В.Л. Иноземцева на Валдайском форуме 5 сентября 2006 г. // <http://inozemtsev.net/index>.

⁹ Огромная рента, якобы выручаемая за счет поставок за рубеж энергоносителей, и которая может – при её справедливом распределении – обогатить народ – скорее, всё-таки миф. Приток нефтедолларов, появление Стабилизационного фонда, профицитный бюджет, всё это – лишь внешние атрибуты экономического роста. Реальные показатели среднего дохода на душу населения приводят в оторопь: в Ирландии – \$57 103 на душу населения (1-е место в мире), в США – \$47 503 (11-е место). По классификации Всемирного Банка, "высокие средние доходы" начинаются от \$10 тыс. В России средний доход на душу населения составлял \$3400 (2004 год). Доход на душу населения – это отношение объема ВВП в текущих ценах и удобных единицах (к примеру, долларах) к зарегистрированной численности населения страны. По предварительным данным об исполнении бюджета, которые представил на днях Минфин, ВВП России составил 27 трлн. 80.3 млрд. рублей, или чуть больше триллиона долларов. Население России на август 2006 года – 142.2 млн. человек. В итоге получается \$7 тыс. на каждого. (См. подр.: Евгений СТРЕЛЬЦОВ. Догнали США – теперь идем на обгон? // ("Финансовые Известия", 23.01.2007).

экономической деятельности, наличие административных (а не конкурентных) преимуществ, неопределенность правил вмешательства государства в предпринимательскую деятельность. Однако в развитых рыночных экономиках инвесторы «со второй чашей» не знакомы, и они не хотят знакомиться с её несъедобным содержанием.

Реальность такова: административный монополизм на объект и условия присвоения – таков современный экономический механизм присвоения ренты в России.

Да, на ренту можно жить, но если только это – *рента от эффективного устройства экономики*. Я хочу сказать, что *современная рента – это недостижимые для других стран преимущества в экономической организации национального производства*, и, похоже, что эта рента действительно приобретает все признаки «дифференциальной ренты I», так как она всё более закрепляется за определенной группой стран и пока недостижима для других стран.

Вот переход к «экономической ренте» и становится главной задачей для нас! И такие возможности имеются, если мы будем подходить к открытым таможенным зонам, национальным программам, инновационным проектам и проч. не как инструментам отраслевого управления, а как *к инструментам выращивания новых эффективных форм экономического устройства производства*.

Ставка на ренту в механизме экономического роста России обосновывается «нерешенностью проблемы собственности на природно-ресурсный потенциал планеты». Далее в ход идут какие-то иррациональные аргументы – «то, что не является делом рук человеческих, не является следствием капитала, бизнеса, финансовых рисков, должно принадлежать всем»... в России от Бога, это ее природные ресурсы, это ее территория, это ее газ, нефть и так далее». И далее вопрошается – «разве не это реальные материальные активы, которые должны найти отражение в нашей финансовой системе?» (Львов, там же).

Я отвечаю – нет, это не активы, то есть сама по себе территория, газ, нефть – это не активы, активом является *эффективный экономический способ их присвоения*. Не понимать этого, думать, что число квадратных километров территории или объём запасов нефти и есть наше экономическое, а не природное богатство, – это, по меньшей мере, странно.

В литературе указывают – «природные ресурсы, вода, воздушный бассейн, транспортные магистрали – это есть общественные достояния, которые принадлежат всем. И в этой связи рента-доход должен стать реальным источником на перестройке нашей финансово-кредитной системы»¹⁰. Вряд ли, – принадлежащее всем никогда никому не приносило доход (разве что тому субъекту, который владеет природными ресурсами от имени «всех, то есть – государству, точнее – его чиновникам).

¹⁰ Выступление акад. Львова. // http://www.larouchepub.com/russian/news/010629_duma/010629_lvov.htm

Наконец, дело доходит до практических рекомендаций, – «государство, возьми на свой баланс все природные ресурсы» (взывает экономист), и тогда если я, государство, сегодня в той или иной нефтяной компании имею 5 процентов, то завтра это будет 98. Выпусти акции в свободном рыночном открытом обороте... и все пойдет в казну, за счет чего будет укрепляться наш рубль реально, будет развиваться промышленность. Вот этот путь, действительно, реальный».

Плохо дело. Можете проводить хоть ежедневно эмиссию акций – всё приберёт, как выражался Джек Лондон, «пена и накипь человеческого котла».

Можете проводить хоть ежедневно эмиссию акций – всё приберёт, как выражался Джек Лондон, «пена и накипь человеческого котла».

Почему? Да потому, что рентная экономика объективно воспроизводит деформированную структуру распределения доходов. Например, десятипроцентный рост рентной экономики означает только одно – рост доходов на те же десять процентов лишь у «рентоприсосавшейся» части общества. А все остальные удивляются – да где же рента?

И никакие административные перераспределения рентных доходов ничего не изменят (посмотрите на страны «третьего мира»). Необходима высокотехнологичная экономика – именно она переделала экономику западных стран, переделает и, бог даст, нашу экономику.

Рентная экономика – это всегда экономика преимущественно государственная, максимально коррупционная и социально-несправедливая.

Вот почему обеспечение преодоление консервативной и обеспечение прогрессивной регенерации экономической системы в России становится главным теоретическим и практическим направлением современной российской экономической науки¹¹. Нам необходим прорыв от «рентной экономики» – к «экономике развития». Здесь-то и обнаруживаются три вечные для нас экономические проблемы – деэнтатизация, демонополизация и дебюрократизация.

* * *

Академик Львов, выступая на Парламентских слушаниях, еще пять лет назад предупреждал – «отсталые страны теперь будут отсталыми навсегда. И если мы свой образ, России я имею в виду, не поменяем, то и нас ждет такая участь».

А вот с этим предупреждением следует согласиться полностью. Нам нужно переходить от присвоения *природной* ренты – к присвоению *экономической* ренты, то есть к *доходу от овладения эффективными формами экономической организации производства*.

¹¹ Выступление академика Львова. // http://www.larouchepub.com/russian/news/010629_duma/010629_lvov.htm

* * *

3. Обличать монополизм нет нужды. Я и не буду этого делать. Скажу только, что монополизм – самое негативное явление в экономической организации нашего производства: монополизм господствует в топливно-энергетическом комплексе, в добывающей сфере, в транспорте, в связи, в аграрной сфере, в жилищно-коммунальном хозяйстве. Мы проиграли монополизму – в который раз. А это значит, что мы проиграли в битве за экономический рост и экономическую эффективность.

Монополизация советского производства переросла в монополизацию рынка, – и не без помощи государства, поскольку монополистические структуры формировались с помощью государственных органов и при их активной поддержке. В результате произошло неизбежное – сращивание государственного и монополистического капитала. А экономистам хорошо известно, что это такое и чем это грозит.

В настоящее время монополизация на энергетических, транспортных и коммуникационных рынках уже превышает 90% (там господствуют естественные монополии). А вот в США допустимый уровень контроля рынка не должен превышать 6%!

Высокая степень монополизации оборачивается однообразностью ассортимента, завышенными ценами и низким качеством продукции и инфляционными поползновениями.

Благоприятная конъюнктура цен на энергоносители, как это ни парадоксально, затормозила российские рыночные реформы. Но еще негативнее сказалась на российской экономике высокая степень её монополизации – по некоторым данным, 3-4 монополии дают до 80% ВВП России. Кстати, вот почему по мировому рейтингу экономической свободы наша страна заняла 124-е место из 155-ти.

Монополизм действительно душит большинство сфер отечественного производства, поэтому и борьба с ним превратилась сегодня в реальную, универсальную и самую актуальную для нашего производства *экономическую проблему*. А монополизм, как учили некогда весьма почитаемые экономисты, это – застой, неэффективность, стагнация. Более того, они предупреждали: всякая монополия плоха, но хуже всего – государственная монополия в экономике. Ибо возникает **«государственно-монополистическая экономика»** – форма удвоенно-неэффективного производства плюс – непобедимый институт коррупционного расхищения ресурсов. Актуальность демонополизации видят все, кроме Антимонопольного комитета (почему-то самого молчаливого федерального комитета). А ведь экономисты знают, что, что доминирующая экономическая форма обычно порождает соответствующую политическую форму.

Моделирование экономического механизма ускоренной демонополизации на уровне отрасли, региона, сферы, в целом национальной макроэкономики, – вот пример актуальной *экономической* проблемы.

Но вот что интересно: в то время, как практика задыхается без теоретической разработки механизмов повсеместной демонополизации, экономисты будут прятаться от этой важнейшей проблемы – я провел простой анализ: познакомился с тематикой докторских работ по экономике, представленной на сайте ВАК за вторую половину прошлого года. Так вот, – из 160-ти докторских диссертаций проблеме демонополизации посвящена только... одна работа¹².

Чем же это объяснить? Ведь не может быть, чтобы экономисты не осознавали опасности монополизации для российской экономики. Я объясняю это тем, что писать о разных абстрактных классификациях разных подсистем спокойнее и безопаснее, чем о монополизме. Точно так же в советское время историки убегали в средневековье или древность, лишь бы не заниматься современностью.

* * *

Обличать бюрократизм также нет нужды. Я и не буду этого делать¹³.

* * *

При всех кардинальных политических переменах российская экономика всё та же – с теми же тремя нерешёнными базовыми экономическими проблемами. И виной тому – консервативная экономическая регенерация, с которой обязаны бороться все, а экономисты – еще и *профессионально*. Поэтому сверхзадача экономистов сегодня – трансформировать **консервативную регенера-**

¹² И. Петров. Демонополизация рынков в процессе воспроизводства экономической безопасности макро-региона. 08.00.05. Москва, 2006. Академия управления МВД России.

¹³ Приведу только один пример – вот сейчас приняты четыре приоритетных национальных проекта. И вот, вместо того, чтобы попросить экономистов разработать универсальный экономический механизм их реализации – через создание и поощрение профильных корпоративных бизнес-структур, – один высокопоставленный человек мечется по стране, пытаясь лично сдвинуть эти проекты, проверяя то какую-то больницу, то какой-то вуз, то – не исчезли ли выделенные деньги, а вся страна сопровождает его телевизионными взглядами. Неужели не ясно, что административный подход неэффективен? Или – возьмите непрозрачность отечественного бизнеса: таинственность и загадочность предпринимательской деятельности по-прежнему остаются национальной особенностью российского рынка. Можно купить нефтяную компанию стоимостью в миллиарды долларов, и никто не знает, кто покупатель. Эта непрозрачность – также во многом результат бюрократизации бизнеса, так как чиновник не заинтересован, чтобы знали о его бизнесе. По оценке И. Беляевой (Финансовая академия при правительстве РФ), в структуре российских инвестиций доля заимствования на фондовом рынке составляет всего 10-15 процентов. Это значит, что российский фондовый рынок не несет никакой информации о том, что реально происходит в российской экономике и не реализует свою главную функцию – оперативный межотраслевой перелив капитала. Более того, посредством превращения конкурсов и тендеров в инструмент коррупционного давления на бизнес, при отсутствии нормально функционирующего фондового рынка и при высокой степени монополизации производства идет процесс слияния и поглощения предприятий. Интересно, что там, где ей это выгодно, бюрократия только пожурит – за злонамеренную непрозрачность бизнеса, то есть за искажение отчетности, у нас с виновных взыщут от 20 до 50 тысяч рублей, а в США штраф – в 5 миллионов долларов и до 20 лет тюрьмы.

цию неэффективной экономической системы (непреречно чреватую, при её затянутости, экономической дегенерацией) в прогрессивную экономическую регенерацию.

Если удастся это сделать, то мы получим *экономический* рост, а с ним – и рост *производственный*.

А если не удастся, – значит... Даже думать не хочется, что это значит...

Преодоление консервативной и выход на прогрессивную регенерацию экономической системы становится главным теоретическим и практическим направлением современной российской экономической науки.